

Курганов Федор Афанасьевич

**Византийский идеал царя и
царства и вытекающие
отсюда, по сравнению его с
идеалом церкви, отношения
между церковной и
гражданской властью**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Афанасьевич К.**
Византийский идеал царя и царства и вытекающие отсюда, по сравнению его
с идеалом церкви, отношения между церковной и гражданской властью /
Курганов Федор Афанасьевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-91905-0

ISBN 978-5-519-91905-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

зантійское императорство въ этой исторіи играетъ первенствующую роль: оно собственно и есть мрачное опѣняющее начало, приводящее все къ состоянію безформенности и летаргіи; оно, по возрѣнію католиковъ, ограждало собою ереси и честолюбіе священниковъ, въ борьбѣ съ которыми развивалось папство, этотъ, по ихъ мнѣнію, жизненный и вливающий во все жизнь божественный институтъ; подѣ удручающимъ вліяніемъ императорства восточная церковь, по возрѣнію какъ католиковъ, такъ и протестантовъ, потеряла духъ, жизнь, чувство истины, и впала въ безысцѣльное и потому вѣчное состояніе летаргіи и окамененія. Наша русская и въ особенности журнальная — свѣтская литтература восприняла этотъ взглядъ западныхъ ученыхъ полностію, но именно — только взглядъ, послѣдній выводъ, крайнее сужденіе, безъ критической провѣрки основъ, по которымъ оно сдѣлано. Когда у насъ стараются осудить какое-нибудь явленіе, какъ достойное омерзенія, то обыкновенно считаютъ достаточнымъ обозвать его „византійскимъ“ „византизмомъ“, похотимъ на византійство, или даже только кивнуть на Византію, чтобы считать дѣло уже поконченнымъ. Вообще, „византійцы, по словамъ одного изъ современныхъ греческихъ историковъ — Папарригопула, доселѣ считаются внѣ законовъ народной правды, какъ народъ и держава, противъ которой свободно могутъ быть направлены всѣ военные корабли исторіи и на которую можно сдѣлать нашествіе, чтобы безапелляціонно бросить всякое хульное и ругательное наказаніе“.

Этому мрачному взгляду на Византію вообще и византійское императорство въ частности рѣзко противостоитъ другой взглядъ, теперь уже почти забытый, — взглядъ церковныхъ писателей изъ самой византійской іерархіи и потому по справедливости долженствующій быть названнымъ старо-церковнымъ или византійскимъ. Такъ патріархъ Антоній IV (1389—1397) писалъ къ русскому великому князю Василию Дмитріевичу о значеніи императоровъ въ дѣлѣ утвержденія и сохраненія Христовой вѣры: „святый царь имѣетъ великое значеніе (*πολὺν τόπον*) для церкви; онъ не то, что другіе князья и мѣстные владѣтели. Потому что отъ начала (*ἀπ' ἀρχῆς*) цари утверждали благочестіе для всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы; они утвердили и узаконили соблюдать тѣ опредѣленія относительно правыхъ догматовъ и христіанской гражданственности, о которыхъ гласятъ божественные и священные каноны; они много ратовали противъ ересей; царскія распоряженія вмѣстѣ съ соборными установили первенство кафедръ архіереевъ, раздѣленіе ихъ епархій и распредѣленіе округовъ. Поэтому они пользуются великою честью въ церкви и занимаютъ въ ней высокое положеніе. Ибо, хотя, по Божію попущенію, невѣрные и стѣснили власть царя и предѣлы имперіи, однакожъ и до сего дня царь поставляется церковію по тому же самому чину и съ тѣми же самыми молитвами (какъ и прежде), и до сего дня онъ помазуется великимъ мѣромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ всѣхъ ромеевъ, т. е. всѣхъ христіанъ. Повсюду, гдѣ только на-

ходятся христiане, имя царя воспоминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, чего никогда не удостоивался никто изъ другихъ князей или мѣстныхъ властителей“ (¹).

Оба эти взгляда опираются на данныя исторіи, которыя, нужно замѣтить, обилуютъ въ этомъ отношеніи, исключаящими друга противоположностями, — такъ что, если слѣдовать методу *ad hominem*, т. е. подбирать кажушіяся одинаковыми свидѣтельства тѣхъ или другихъ отцевъ и писателей церкви и, по видимому, однородные факты, то, на первый взглядъ, почти съ одинаковою убѣдительностію можно доказывать и то и другое. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны мы встрѣчаемъ массу такихъ разсужденій и мнѣній, что священство безмѣрно превосходитъ императорство; что подчиняться должны императоры священникамъ, а не наоборотъ — не священники императорамъ; что епископы должны произносить судъ о императорахъ, а не императоры о епископахъ; что императорское право отнюдь не простирается на дѣла божественныя; что императоры должны знать только свои дворцы, войска и т. д., церкви же предоставить священникамъ (²); что незаконныя вмѣшательства императоровъ въ дѣла церкви, вмѣсто умиренія, производятъ одни лишь смуты и беспорядки, и т. п. „Перестань, — обыкновенно говорили епископы тому или

(¹) Acta patr. Constantinop. II, p. 190.

(²) Migne, Patr. curs. compl. t. XVI, ser. lat. col. 999—1001; 1003—1005; 1018; 1176—1177; t. XVII, col. 569—570.

другому императору въ подобныхъ случаяхъ, — умоляемъ тебя, вспомни, что и ты человѣкъ смертный, убойся дня суднаго, сохрани себя на оный чистымъ. Не вступайся въ дѣла существенно церковныя, и не давай намъ приказаній объ оныхъ; а лучше принимай ученіе отъ насъ. Тебѣ вручилъ Богъ царство, а намъ ввѣрилъ дѣла церкви. Какъ восхищающій себя твою власть противорѣчитъ учредителю Богу: такъ бойся и ты, чтобы, захватывая въ свои руки церковныя дѣла, не подпасть отвѣтственности въ тяжкой винѣ. Написано: *воздадите кесарева, кесареви; и Божія, Богови* (Мѡ. 22, 21). Посему, какъ намъ не позволено властвовать на землѣ, такъ и ты, о царь, не имѣешь власти приносить кадило" (¹). Подобнымъ же языкомъ говорили императорамъ и еретики и схизматики, когда это требовалось обстоятельствами (²). Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ и такія соборныя и отеческія разсужденія, что „изъ того, что возбуждено въ святѣйшей церкви, ничему не надлежитъ быть вопреки мнѣнію и повелѣнію императора“ (³). На основаніи этого и отцы и соборы обращались къ императорамъ съ усерднѣйшею просьбою, молениемъ и даже съ заклинаніемъ ихъ всѣмъ священнымъ — во-

(¹) Послан. св. Аван. къ пустыни, въ Твор. св. Аѡ. ч. 2, стр. 119.

(²) Suidas, *Λεόντιος*. Optatus Milevit., de schism. Donatist. l. III. c. 3: Quid est imperatori cum ecclesia? отвѣтилъ глава секты, Донатъ еп. караг. (великій), императорскимъ уполномоченнымъ на ихъ требованіе—войти въ единеніе съ каволическою церковію, какъ этого желалъ императоръ.

(³) Harduin., t. II. col. 1261.

дворить „обычнымъ благочестивымъ предписаніемъ“ миръ въ церкви; утвердить православіе; оградить истинную Христову вѣру, въ охраненіи и соблюденіи которой заключается и спасеніе государства, и полученіе всякихъ другихъ благъ; обуздать еретиковъ; отмѣнить все ихъ постановленія и объявить ихъ какъ бы несущестующими. Подобныя просьбы, молебны и заклинанія обращали къ императорамъ, и почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ, т. е. по принятой формулѣ, какъ православные, такъ и еретики, и при томъ — большею частію въ одно и тоже время ⁽¹⁾. Равнымъ образомъ, и въ отзывахъ разныхъ писателей объ одномъ и томъ же императорѣ мы встрѣчаемъ крайнія противоположности, взаимно исключая другъ друга. Одного и того же христіанскаго императора одни изъ писателей называютъ „врагомъ Христовымъ“, „жесточайшимъ изъ всехъ жестокихъ“, „преступнѣйшимъ изъ смертныхъ“ ⁽²⁾, между тѣмъ какъ другіе — создателемъ церквей, чтителемъ угодниковъ Божіихъ, „боголюбивѣйшимъ“, христіолюбивѣйшимъ изъ царей и человеколюбивѣйшимъ“ до того, что „онъ ради благочестія, изъ любви къ ближнимъ, за ихъ спасеніе“ готовъ былъ отдать „даже самую державу, цѣлый міръ и свою душу, которая всякому всего дороже“ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Дѣян. всел. собор. Казань, 1859. т. I. стр. 471—472; 790; 889 и друг. Послан. св. Аван. къ пустыни. въ Твор. св. Аван. ч. 2. стр. 85. 102. 108. 115. 127 и др. Optat. Milev. I. I. c. 22. 25. I. III. c. 4.

⁽²⁾ Иларій, въ книгѣ противъ Констанція.

⁽³⁾ Филосторгій, кн. III. отр. 2. Твор. св. Григ. богосл. Москва. 1843 г. ч. 1. стр. 97—98. 105—109. 192—194, въ обл. сл. на царя Юліана.

Случается, что одинъ и тотъ же писатель, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, прилагаетъ къ тому или другому императору одобрительныя и похвальныя наименованія, между тѣмъ какъ въ другомъ—того же самаго императора всячески порицаетъ и хулитъ. И подобное, такъ сказать, двойственное отношеніе къ императорамъ со стороны однихъ тѣхъ же лицъ усматривается въ сочиненіяхъ не только такихъ писателей, извѣстныхъ и сомнительной честности, какъ Прокопій кесарійскій, но даже и такого высокоуважаемаго отца церкви, какъ Афанасій великій. Такъ напр., въ „посланіи къ пустынникамъ“ онъ называетъ Констанція „безбожнымъ“, „злочестивымъ“, „немилосерднымъ“, „Ахавомъ“, „Валтасаромъ“, между тѣмъ какъ въ защитительномъ посланіи къ самому Констанцію величаетъ его „боголюбивѣйшимъ и человеколюбивѣйшимъ Августомъ“, „правдолюбивымъ“, „правосуднымъ царемъ“, „царемъ боголюбивѣйшимъ“ и „служителемъ Христа“, и въ доказательство того, что онъ, Афанасій, даже и не можетъ злословить его, царя Констанція, привелъ слова Премудраго, которыя онъ, по его собственнымъ словамъ, до того „еще не обезумѣлъ, чтобы забыть“:

и въ совѣсти твоей не клени царя; и въ ялети ложницы твоя не клени богатаго: яко птица небесная донесетъ гласъ твой, и илтъй крыль възвѣститъ слово твое (Еккл. 10, 20). Что же касается самыхъ дѣяній императоровъ, патріарховъ и другихъ, дѣйствующихъ въ исторіи церкви, лицъ, то и они, эти дѣянія, въ томъ видѣ какъ ихъ передаютъ разные лѣтописцы, современные дѣйствующимъ имъ лицамъ, или живице

нѣсколько позднѣе ихъ, по характеру своему весьма различны и группируются разными писателями съ самыми противоположными цѣлями. Притомъ же, весьма многія событія обставлены легендами, которыя очень часто признаются за истинныя событія, какъ скоро имѣютъ видъ вѣроятности и соответствуютъ цѣлямъ того или другаго писателя.

Такимъ образомъ, дѣло историческаго изысканія является крайне спутаннымъ и сложнымъ, и, въ виду этой спутанности, представляющей на первый взглядъ даже не разрѣшимою, каждому, естественно, съ трѣвогою въ сердцѣ спросить: гдѣ же истина? и какимъ путемъ идти къ ней?... Вотъ мой взглядъ относительно этого.

Всякій фактъ, имѣющій историческое значеніе (ибо не все то, что случается въ мірѣ, имѣетъ историческое значеніе), являясь въ ряду другихъ дѣяній человѣческихъ какъ одно нераздѣльное цѣлое, въ существѣ своемъ заключаетъ двѣ, широко расходящіяся, стороны: общую и частную, индивидуальную, — объективную и субъективную. Исторію христіанской церкви составляетъ христіанство, или точнѣе и опредѣленнѣе: идея искупленія человѣческаго рода воплотившимся Сыномъ Божіимъ. Эта идея искупленія человечества, или тайна домостроительства (*μυστήριον οἰκονομίας*), разсматриваемая сама въ себѣ, какъ опредѣленный, совершившійся въ исторіи и продолжающій свое существованіе фактъ, составляетъ общую, объективную сторону въ исторіи церкви, а пониманіе этой идеи тѣмъ или другимъ историческимъ лицомъ

и сообразное этому пониманію дѣйствованіе этого лица, будетъ частною, индивидуальною стороною того или другаго совершившагося въ исторіи факта, или иначе—субъективною его стороною. При этомъ можетъ случиться, что пониманіе идеи христіанства тѣмъ или другимъ лицомъ можетъ быть адекватно самой идеѣ и неадекватно, и, въ случаѣ адекватности, проявленіе ея, или обнаруженіе въ дѣйствіи можетъ быть полнымъ, или же, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ — внутреннихъ ли, личныхъ побужденій или внѣшне сложившихся обстоятельствъ, можетъ уклоняться отъ нея. Далѣе: увѣковѣченіе совершившагося факта, передача его на память потомству можетъ быть сдѣлана или самими дѣйствующими лицами, въ формѣ ли офіціальныхъ записей или посредствомъ другихъ подобныхъ памятниковъ, или же посторонними лицами, при чемъ они, эти постороннія лица, могутъ держаться одинаковаго съ дѣйствующими лицами пониманія идеи христіанства и неодинаковаго; могутъ быть очевидцами совершившихся историческихъ явленій, или же передавать о нихъ на основаніи слуховъ, рассказовъ и записей другихъ лицъ, бывшихъ въ свою очередь тоже или очевидцами разсказаннаго ими, или также слышавшихъ о томъ отъ другихъ, и т. д.; могутъ обладать качествами, которыя дѣлали бы ихъ способными передавать случившіяся въ исторіи событія, и могутъ не обладать ими. Отъ всѣхъ этихъ условій въ большей или меньшей мѣрѣ зависитъ передача того или другаго историческаго факта въ подлинномъ его видѣ, или же съ лич-

ными воззрѣніями сообщающаго о немъ писателя; съ ненужными подробностями и обстоятельствами; весьма часто небывалыми; съ разными легендарными наслоеніями,—словомъ—въ болѣе или менѣе извращенномъ, нерѣдко неузнаваемомъ его видѣ. Отсюда задача исторической критики должна прежде всего состоять въ томъ, чтобы очистить тотъ или другой историческій фактъ отъ разныхъ тенденціозныхъ и легендарныхъ его наслоеній и возстановить его въ подлинномъ его видѣ, и потомъ, когда черновая эта работа будетъ сдѣлана, при группировкѣ самыхъ событій въ ихъ взаимной связи и послѣдовательности, необходимо отличать идею отъ ея проявленія, одушевляющій обшество и движущій его принципъ отъ пониманія его тѣми или другими историческими лицами и проявленія его во внѣ, идею саму въ себѣ отъ видовъ ея воплощенія и почвы, на которой она въ то или другое время воплощалась. Въ этомъ процессѣ исторической критико-художественной работы пониманіе идеала, представляющаго душу явленій и дающаго имъ жизнь, смыслъ и немимолетное значеніе, служить для историка руководственною нитью въ его аналитическихъ и архитектурическихъ работахъ, — факеломъ, при свѣтѣ котораго онъ производитъ очистку историческихъ фактовъ отъ чуждыхъ имъ наслоеній, даетъ каждому изъ нихъ надлежащую оцѣнку и созидаетъ изъ нихъ картину прошлой исторической жизни. Этимъ только объясняется, что одна какая-либо эпоха въ исторіи разрабатывается многократно съ разныхъ точекъ зрѣнія и каждый разъ — часто и подлинность

фактовъ, и относительная оцѣнка ихъ, и вѣдствіе того самая картина изслѣдуемой эпохи представляются различными. Богатая западная литература, можно сказать, на каждый пунктъ исторіи имѣетъ множество изслѣдованій, рисующихъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія. Труды западной науки по отношенію къ Византіи страдаютъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что они совершались подъ вліяніемъ того мрачнаго взгляда на Византію, который высказанъ мною выше; который прочно утвердился на западѣ, и который полностью воспринять нашею литературою. Отъ того-то нерѣдко и случается, что масса комментаріевъ, сдѣланныхъ по изысканію подлинности и настоящаго вида того или другаго событія, вмѣсто упрощенія дѣла лишь запутываетъ его, вмѣсто пролитія свѣта только сгущаетъ тьму. Я думаю, что для того, чтобы трудъ по исторіи Византіи (какъ и всякаго другаго, живущаго особою жизнію, общества) былъ по возможности правдивымъ и соответствовалъ предмету изслѣдованія, нужно его и предпринимать, и совершать съ точки зрѣнія того идеала, которымъ жила сама Византія; нужно на время отрѣшиться отъ своихъ собственныхъ мнѣній и полностью воспринять этотъ идеалъ, сродниться съ нимъ, пожить имъ. Я думаю, что въ подобномъ требованіи заключается не болѣе, какъ и въ извѣстномъ положеніи: *audiat et altera pars*. Притомъ же, такимъ путемъ яснѣе можно познать самый идеалъ и вѣрнѣе оцѣнить его въ сравненіи съ другими, теперь дѣйствующими въ исторіи христіанства, силами—католичествомъ и протестантствомъ.